
Сергей ДОМОРОЩЕНОВ

КАК НУЖНА НАМ «ПРЕХОДЯЩАЯ» ЛИТЕРАТУРА!..

Большой русский писатель, выдающийся знаток деревни своего времени Ф. А. Абрамов (29 февраля 1920 — 14 мая 1983) свой путь как писатель начал в журнале «Нева».

В июне 1941 года студент филологического факультета Ленинградского государственного университета Федор Абрамов участвовал в строительстве оборонительных рубежей на Карельском перешейке — вместе с сокурсниками рыл противотанковые рвы. Через много лет в рассказе «Потомок Джима» сказал о том, что представляла собой та работа: надо было с утра до ночи рыть лопатой раскаленный песок, долбить ломом «заклекую, ставшую каменной в то лето глину», «надрывать над стопудовой тачкой».

Недавний деревенский житель, уроженец северной деревни Веркола, что на Архангелогородчине, на реке Пинеге, Абрамов спокойно взялся за орудия труда. Запросто таскал носилки и тачку с песком. И думал: «Разве косьбу ручную с этим сравнишь или лесоповал — летом в жару. На оводах. Несчастные горожане...» Непривычные к нелегкой физической работе, они взвыли уже в первый день. Один из них к полудню уполз в кусты. Абрамову как старшему — кого ж еще было назначать старшим? — пришлось отчитать неумеху: «Видите ли, песок ему в туфли попал! Голову он нажарил!.. Кто за тебя врагу отпор давать будет?!..»

У одних уже мозоли, у других — волдыри... Но постепенно все приноровились к необходимому труду.

По возвращении в Ленинград Федор записывается в народное ополчение и ищет профессора Марию Александровну Соколову, чтобы досрочно сдать ей экзамен по русскому языку. Дома ее не было. Он узнал, что Соколову можно найти по адресу профессора Валентины Александровны Приходько. Студент не отступал от секретаря деканата: «Дайте мне адрес Приходько! Я не хочу иметь „хвост“!» Экзамен Абрамов сдал, как всегда, на отлично и, как говорил позднее, «с чистым матрикулом поехал в казарму».

Не хотели иметь «хвостов» и другие студенты. Многие были уверены: «малой кровью, могучим ударом», как в песне Лебедева-Кумача и братьев Покрасс, разделаемся

Сергей Николаевич Доморощенов родился в 1952 году в Архангельске. В 1975 году окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Автор десятка книг очерков, интервью, рассказов, среди них — «Неоконченный спор», «Разбитое зеркало», «Свеча Николаю Угоднику», «Я немножко тоже Русь». Живет в Архангельске.

с немцами и вернемся в аудитории продолжать образование. Торопились на фронт, торопились совершать подвиги, о которых мечталось перед войной. И не понимали, почему притихли, почему плачут пожилые люди...

В начале июля Федор Абрамов шагал в колонне, двигавшейся под пули и осколки. Шагали парни «необученные, необстрелянные, в новых непригнанных гимнастерках, в страшных солдатских башмаках», — из воспоминаний писателя. Ополченцы поражались: где же регулярные войска?!.

Воевать Абрамову пришлось в университетском 277-м отдельном артиллерийско-пулеметном батальоне. (Грозное название не соответствовало действительности: пушек не было). На окраинах Старого Петергофа батальон разбили. Его остатки вышли в Новый Петергоф. Вскоре подразделение вновь укомплектовали, и снова — бои на окраинах Старого Петергофа. Три дня почти непрерывно. Абрамов — за пулеметом. 24 сентября ранен, поступил в Ижорский военно-морской госпиталь; почти два месяца лечится в связи со сквозным ранением левого предплечья с повреждением кости.

В одной из записных книжек Федора Александровича Абрамова — такой набросок о том, как герой его первого романа «Братья и сестры» Лукашин вспоминает первые месяцы войны: встретился с горсткой недавних студентов, спросил, как воевали. А так: почти без ружей, сосед «стоял под пулями и ждал, когда убьют товарища, с которым спал койка к койке три года. И они плакали... Где самолеты? Танки? Где командующие? Первый маршал Ворошилов поведет. На чужой территории? Страшное отрезвление... Что произошло со страной?»

С 18-го по 28 ноября 1941 года Абрамов снова участвовал в боях с немцами на том же Ленинградском фронте — рядовым 1-го ударного батальона 252-го стрелкового полка. Дивизия занимала позиции на левом фланге Пулковского оборонительного рубежа в районе деревни Верхнее Кузьмино — река Кузьминка в связи с тем, что командованием Ленинградского фронта было принято решение активизировать боевые действия со стороны блокадного города, чтобы сковать немцев, части которых фашистское руководство хотело перебросить под Москву.

В 1976 году, общаясь с читателями на своем авторском вечере в Доме писателей имени Маяковского, Федор Александрович сказал о Николае Андрияновиче Комарове, прототипе одного из главных своих героев — секретаре райкома компартии Подрезова: «Крутой, сильный, пять суток мог не спать, а я на фронте в снегу засыпал».

28 ноября 1941 года — ранение разрывной пулей обеих бедер с повреждением кости. Источники по-разному говорят о спасении Абрамова. Есть такой вариант: раненый почти дополз до своих — и потерял сознание. Солдат из похоронной команды принял его за мертвого; стоя над ним, достал фляжку с водой, стал пить, капля-две упали на лицо солдата, и у него дрогнули веки... Не будь этих капель — не родился бы писатель Абрамов.

Затем — лечение в госпитале, размещенном на истфаке ЛГУ, там ему едва не ампутировали ногу; эвакуация на Большую землю в феврале 1942 года по ладожскому льду. Продолжение лечения в вологодских госпиталях, отпуск по ранению — работа учителем литературы в родной средней школе (село Карпогоры Архангельской области).

Федор Абрамов приезжал в Верколу, видел, как надрывались люди на колхозной работе, трудился рядом с ними. Рубил лес, «толок деревянное масло». Так называли жилицу, которую использовали в колхозах, разводя ее керосином, для смазки колес телег и кое-какой техники.

Веркольский колхоз «Лесоруб» поставлял фронту не только лес, хлеб и мясо, но от него шли и подарки к праздникам: масло, капуста; колхозники несли на приемный пункт сушеные грибы, сушеную картошку, чернику и прочее. А еще людям надо было платить сельхозналог.

Потом была учеба в Архангельском пулеметном училище, а с весны 1943 года и до «звонка» — служба в Смерше, в котором следователь Абрамов участвовал в радиоиграх с абвером.

Можно было стать военным писателем, ведь материала для произведений предостаточно. Но преподаватель кафедры советской литературы филологического факультета ЛГУ, кандидат наук Федор Абрамов урывками, но упорно писал о своих земляках, увиденных им в Верколе «во весь их богатырский рост» (его слова): в конце августа — начале сентября 1943 года он снова побывал на Пинежье — ему дали большой отпуск, на 18 дней, так как дорога парохомом и на лошадях занимала много времени; он сопровождал домой брата Василия, который направлялся туда на костылях в долгосрочный отпуск после ранения.

Годы без отдыха (преподавателю, кандидату филологических наук и летом некогда было отдыхать), и вот наконец «Братья и сестры» вышли в 1958 году в сентябрьской книжке журнала «Нева» 75-тысячным тиражом. Затем роман появился отдельной книгой в Лениздате (1959 год, 15 тысяч экземпляров), в двенадцатом номере за 1959 год переиздан в «Роман-газете». Читателей автор приобрел много: тираж «Роман-газеты», самого массового литературного издания СССР, составил 500 тысяч экземпляров. «Выход в большую жизнь» — слова писателя — состоялся сразу.

«Нева» открыла читателю новое писательское имя. Как написала сотрудница «Невы» Антонина Емельяновна Масловская (сборник «Русский мир», 1994 год, книга вторая), главный редактор журнала Сергей Алексеевич Воронин «принял своего единомышленника горячо и восторженно».

Публикация этого детища придала Федору Абрамову уверенности в своих силах, и вскоре он оставил университет — перешел на «вольные хлеба».

Деревня периода Великой Отечественной войны была обойдена писателями — немного написали в своих романах Григорий Медынский («Марья») и Елизар Мальцев («От всего сердца»). Они же, как и другие авторы лакированной прозы, в то время, когда деревня едва сводила концы с концами, соревновались «между собой, кто легче и бездоказательнее изобразит переход колхоза от неполного благополучия к полному процветанию». Развитие коммунистической сознательности колхозников совершалось «с необычайной легкостью». Это цитаты из статьи еще критика Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», опубликованной в четвертом номере журнала «Новый мир» за 1954 год. Из-за этой статьи Абрамов был фигурантом проработочной кампании, направленной против «Нового мира». И была та кампания не последней для Федора Александровича. И снова в его судьбе будет журнал «Нева», главным редактором которого Сергей Алексеевич Воронин работал с 1957 года.

В «Братьях и сестрах» — новый материал в русской литературе советского времени. Многие читатели (в том числе будущий писатель Василий Белов) в судьбе героев первого романа Федора Абрамова увидели свою судьбу.

В библиотеках за журналом стояли в очередь. Прочитав «Братьев и сестер», люди говорили: «Да как этот писатель про нашу жизнь-то узнал? Кто ему про нашу корову-кормилицу-то рассказал?..»

Заведующая Веркольской библиотекой Е. В. Клопова в порядке очереди выдавала экземпляр тем, кто особо интересовался произведением. А «во время перерывов на разных работах (на сенокосе, на молотилке, на веянии зерна, сортировке, уборке урожая) я проводила беседы о романе с чтением отрывков, — вспоминала Евстолия Васильевна. — Эти беседы очень любили женщины: ведь это их труд, их жизнь, страдания военных лет записывал Федор Александрович. Как и у них, у героев романа было много горя, но много и героизма».

В советские годы на последней странице книг издательства предлагали читателям «отзывы и пожелания по оформлению и содержанию» произведения направлять по определенному адресу. В январе 1960 года Л. С. Третьяков, солдат срочной службы, прочитал «Братьев и сестер», испытал потрясение, взялся за письмо и отправил его для Абрамова в «Литературную газету». Вспоминая военное детство в селе Ломоносово Холмогорского района, написал очень ценные для писателя слова: «...все мои земляки могли бы подтвердить, что и Анфиса, и Миша Пряслин, и Варвара, Клевакин и даже Митенька Малышня — все они были в нашем селе, и все они, пожалуй, были в любой большой деревне».

Абрамов прочитал письмо «с большим удовольствием» и ответил адресату. Тот был потрясен снова. Абрамов стал его «духовным отцом на всю жизнь».

Разумеется, Абрамову были важны мнения и читателей, и критиков. 9 октября 1958 года в «Вечернем Ленинграде» выходит рецензия Ю. А. Андреева «Братья и сестры». (Юрий Андреевич первым откликнулся на роман в печати.) Он подчеркнул, что писатель рассказывает о неимоверных лишениях, перенесенных жителями Пекашина, «однако у читателя не остается гнетущего, безотрадного чувства. Напротив, с самого начала роман воспринимается как повествование о мужественной и сильной душе русского человека, который не согнулся перед лицом безмерных страданий и победил».

24 октября 1958 года М. Тверской в ленинградской газете «Смена» — в рецензии под названием «В капле — море» — отзывался о «Братьях и сестрах» как о «талантливой книге, проникнутой чувством радостного удивления перед подвигом советских людей».

30 октября «Ленинградская правда» опубликовала рецензию «В тяжелую годину», автор которой А. Эльяшевич, высоко оценив роман, сказал о влиянии Шолохова на Абрамова: «От М. Шолохова у Ф. Абрамова и зримая пластичность в изображении человеческих характеров, и любовь к обрисовке тонких душевных переживаний, и умение оттенить чувства героев лирически проникновенным и взволнованным пейзажем. И внимание к языку и стилю, которое не так часто встречаешь в творчестве молодых писателей».

К большой удаче Абрамова отнесли роман и В. Чалмаев в статье «Сражающийся современник», опубликованной в журнале «Вопросы литературы» (№ 1 за 1959 год), Ю. Буртин в статье «О наших братьях и сестрах» («Новый мир», № 4 за 1959 год). Хвалебные слова в свой адрес прочитал Федор Александрович и со страниц журналов «Звезда» и «Знамя».

Читал Федор Абрамов и отзыв о романе, принадлежащий В. Литвинову («Литературная газета», 27 августа 1959 года):

«Написал Абрамов о войне по-своему, не похоже на кого-либо другого.

У нас много и хорошо писали о войне героической и о войне страшной, трагедийной. Были еще книги приключенческого плана, лирические, сатирические, юмористические... Однако на беллетристические страницы до сих пор как-то неохотно, с трудом ложилась та война, которую испытала на себе, скажем, тыловая деревня, далекая от передовой, от грохота снарядов, прожившая все четыре года жизнью суровой, в изнурительном труде, лишениях и потерях». Автор рецензии подчеркнул, что об этой деревне романист рассказал «остро, даже полемично. И очень правдиво».

Федор Абрамов воспел подвиг тружеников деревни военных лет. В частности, словами одного из своих героев, секретаря райкома компартии Новожилова: «Сколько человек в Пекашине на войну взято? Человек шестьдесят. А поля засеяны? Сеноуборка к концу? Да ведь это понимаешь что? Ну как если бы бабы заново шестьдесят мужиков родили...»

Воздали должное роману и при жизни Абрамова, и после нее.

«Братья и сестры» остаются лучшим романом о деревне Великой Отечественной войны. И вряд ли кто напишет не хуже: кто сравнится с Абрамовым в знании реалий того времени?..

Уже в 1958—1959 годах общий тираж «Братьев и сестер» составил 590 тысяч экземпляров. Неплохо. Тем не менее людям приходилось ждать, когда в библиотеку сдадут прочитанную книгу. Она стала народной.

Один из учеников Федора Александровича Абрамова — академик Российской академии наук Александр Михайлович Панченко. Он написал, что опорные пункты культурной аксиоматики его учителя — «не только верность действительности, но и художественный вымысел, а также установка на новизну («о чем никто не писал»), стремление не повторять других и себя». На эти пункты писатель Абрамов опирался с первых своих шагов в литературе.

28 октября 1962 года Федор Абрамов написал в Архангельск другу — литературному критику Шамилю Галимову:

«Лето у меня было безотрадным. Дела в колхозах все хуже и хуже — так какой же к черту отдых!

Сейчас я закончил новую очерковую повесть „Вокруг да около“. Всем нравится, и все в один голос говорят: не пропустит цензура. Думаю, что так и будет. А пока повесть запланирована в 1 номер „Невы“».

Скорее всего, и во время написания повести Абрамов был почти уверен, что работает «в стол». Но продолжал писать, так как считал, что сказать свое слово надо во весь голос. Для этого нужно было набираться мужества. Как набирался его и герой повести председатель колхоза Ананий Мысовский.

Повесть — критик Феликс Кузнецов скажет о ней, что написана «в жанре художественной публицистики» — все-таки вышла в первом номере журнала за 1963 год. Она стоила должности Сергею Воронину. А Федор Абрамов перестал быть членом редколлегии.

Какие мысли приводили Абрамова к «Вокруг да около»? Об этом — в его дневниковой записи от 14 октября 1958 года в связи с чтением романа Ф. И. Панферова «Раздумье»:

«В чем причина всех бед наших? Что поставило деревню на грань катастрофы? Панферов объясняет просто: в ЦК пробрались авантюристы, вроде Муратова, которые встали между ЦК и народом, а внизу насадили бездушных „статуй“ Гараниных и Ростовцевых... Война показала, что вести хозяйство так, как мы вели, нельзя. Война вскрыла глубочайшие противоречия и пороки в нашей жизни, в нашей системе управления. Но, к сожалению, после войны не были извлечены уроки из войны. Опьяненные победой, зазнавшиеся, мы решили, что наша система идеальная...

Сигнализировал ли народ о неблагополучии? Сигнализировал. Он перестал работать. Всероссийский саботаж. Беспрецедентная в истории многолетняя забастовка крестьян во всей стране».

Дабы отвлечь нежелательное внимание бдителей, в редакции «Невы» решили поместить «Вокруг да около» не в разделе прозы, а в разделе публицистики с подзаголовком «Очерк». Не помогло.

Абрамов полагал, что рукопись если и напечатают, то он опять попадет, как в 1954 году, под шквальный огонь «приводных ремней партии», «автоматчиков партии» — так называли газеты и журналы. Поэтому психологически готовился к «проработочной буре», по выражению друга, писателя Александра Яшина. «Буря», однако, заявила о себе не сразу. Да и вообще год начался для писателя удачно: очередная пу-

бликация за рубежом, в Бухаресте, — рассказ «Собачья гордость» в антологии современной советской литературы «При свете дня». (Рядом — произведения Э. Казакевича, К. Паустовского, Ю. Нагибина, В. Некрасова, Ю. Казакова, В. Пановой. Неплохая компания.) Лениздат порадовал сборником, в который вошли роман «Братья и сестры», повести «Безотцовщина», «Жила-была семужка», рассказы. К тому же теперь Абрамов — не просто прозаик, а председатель секции прозы (в ней больше ста человек) Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР.

Поначалу было даже два публичных положительных отклика на «Вокруг да около». Оба — в «Литературной газете». Первым высоко оценил абрамовскую работу публицист Георгий Радов статьей «Вся соль в позиции» в номере за 5 марта. (Немногом раньше, из номера на 28 февраля, в «Известиях», которые возглавлял зять Хрущева Алексей Аджубей, выкинули уже набранную положительную рецензию М. Хитрова. В «Литературке» наверняка знали об этом... Хитров примет предложение Твардовского и перейдет в «Новый мир».) Радов отметил «особенность некоторых сочинений на сельские темы, которые могут даже завлечь неискушенного читателя, казалось бы, откровеннейшей „правдой-маткой“. Но если бескрылая эта „правда-матка“ способна только разоружить бойца, то правдивый, мужественный очерк Абрамова вызывает другие чувства...

Вся соль в позиции! В глубокой вере писателя в то, что можно „расколдовать круг“. Всем строем повествования, ходом размышлений героя, наконец живописными, сочными образами крестьян писатель как бы говорит людям: вот они, я вижу их отчетливо, те наличные силы, опершись на которые можно поднять деревню».

«Нет, не об истории с сеном поведал нам Федор Абрамов. Как широкодушно, как по-доброму, хотя и не щадя их, рассказал он о людях села. Сколь мудры и, главное, сколь раскованны — времена не те! — их рассуждения о жизни, о совести, о поведении, о стиле руководства».

В «Литературке» за 26 марта критик В. Чалмаев в статье «Я есть народ...» написал, что главный герой повести Ананий Мысовский в труднейших условиях «сражается с нуждой и людской нерадивостью, разными причинами сформированной».

Обратим внимание на слово «нужда»: еще недавно литературные колхозы процветали или выходили на путь процветания. Большая роль в «ликвидации» таких колхозов принадлежит Абрамову как автору статьи «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе».

Времена отчасти оказались те же... Но пока — два слова о содержании небольшой повести.

Сена заготовлено мало — чем кормить долгой зимой коров?! Нет покоя Ананию Мысовскому, уже тринадцатому послевоенному председателю захудалого колхоза. А райком КПСС насаждает на коммуниста Мысовского: силосуй! Райкому сводка нужна красивая, чтобы перед «областью» отчитаться, — и неважно, что силос можно и в дождь взять... (Обычная практика тех лет.) Завтра, в воскресенье, на сенокос надо выходить, в вёдрие-то, а колхозники не хотят: мол, что нам от этого воскресника — ни рыба ни мясо те десять процентов от заготовленного сена, которые положены для личного скота. А время уходит!.. Сколько погожих дней будет, как небесная канцелярия распорядится — кто же скажет?! И тогда председатель, в чайной под хмельком, рубит сплеча: обещает для личных подворий тридцать процентов от заготовленного. Народ узнает об этом, и — агитации никакой не надо (без «заседаний, ни крику, ни рыку»), высыпает на луга, спасает сено.

...Но приехал в деревню секретарь райкома, и Мысовский струхнул — опять будут ему голову мылить, да и крепко: «Антигосударственная практика! Поощрение частного сектора...» Однако раздумывает: «Кому это надо, чтобы сено пропало?» Вспомина-

ет перегибы тридцатого года, когда он, уполномоченный райкома, вместе с председателем сельсовета, малограмотным красным партизаном, за два дня перевернул глухую деревню (не эту, не Богатку, но картина была типичная). Может, потому и тяжело сейчас, что тогда было легко? Вспомнил Ананий Егорович и послевоенную продрозверстку, «когда из года в год, начисто, до зернышка выгребали колхозные амбары». И кукуруза чуть не под полярным кругом пришла на ум. И сказал себе Мысовский: «...будь же мужествен! Хоть раз. Хоть один раз, на пятьдесят пятом году!»

Ананий Егорович Мысовский выпрямился!

И чего бы такого уж особого в этой повести? Но это на нынешний взгляд. Прочитую еще раз Виктора Чалмаева: Мысовский так жаждет, «чтобы его крестьянин ожил, повеселел, воодушевился, расцвел в труде и счастье, так ненавистна ему мерзкая бесхозяйственность, что твердо веришь: такие люди изменят все согласно своим гуманистическим представлениям о бытии, достойном человека».

Главным редактором «Литературной газеты» с 1962-го по 1988 год работал Александр Борисович Чаковский, секретарь правления Союза писателей СССР. При нем тиражи «Литературки» стали миллионными.

У других критиков был иной взгляд на Мысовского. Далеко не все хотели видеть «те наличные силы», о которых писал Георгий Радов. А если видели, то молчали, боясь начальственных окриков на собраниях — о выступлении в печати и говорить было нечего: «не пушали». Но и с письмами было неважно: из коллег-архангелогородцев только один Шамиль Галимов высказался в поддержку Абрамова. Из коллег-северян поддержал еще Сергей Викулов, вологжанин, будущий главный редактор журнала «Наш современник». Викуловские строки (от 10 марта):

«Я первый в Вологде прочитал „Вокруг да около“... Первый заинтересовал этой замечательной вещью секретарей обкома — они еще переживали „Вологодскую свадьбу“, и было очень кстати „утешить“ их (вхож был глава вологодских писателей к партийным начальникам, находил с ними общий язык; благодаря Викулову и первому секретарю обкома Анатолию Дрыгину уроженка Архангельской области Ольга Фокина, которая была неприкаянной на родине после Литинститута, получила в Вологде жилье, там и обосновалась. — С. Д.). И, конечно, заставил бегать за журналом всех своих друзей и знакомых. Хотел сразу же написать Вам. Пожать Вашу руку бойца. Руку, которая не сфальшивила ни на одной ноте. Впрочем, рука тут ни при чем: сердце! Сердце чистое и честное. И хочется верить, что такие сердца есть и еще в нашей литературе!»

В том же письме Викулов прозорливо заметил, что повесть «сыграет свою, если хотите, историческую роль».

Ленинградский коллега Е. С. Добин подарил Абрамову свою книгу «Герой. Сюжет. Деталь» с дарственной надписью: «„Русскому праведнику“, благородному ревнителю святых традиций правды-истины и правды-справедливости — Федору Александровичу Абрамову — с великим уважением, сердечным и душевным расположением». Тем более приятно было Федору Александровичу читать эти строки (от 28 мая), что антиабрамовская кампания уже вовсю шла.

Впрочем, были добрые письма и от «простых» читателей. Люди отправляли письма в «Неву», архангельскую областную газету «Правда Севера», в обкомы КПСС. Оттуда их пересылали Абрамову. «...Я всегда отвечаю на письма», — скажет он в 1976 году на своем авторском вечере в Доме писателей имени Маяковского. (Позже писем будет так много, что Федор Александрович станет отвечать только на самые важные. Но встречаясь с читателями в той или иной аудитории, отвечал на все.)

Читатели называли Абрамова «настоящим гражданином», мысленно, как и Викулов, жали руку. Одна из читательниц поддерживала писателя и сочувствовала: «Если Вас не посадят, то хорошо...»

Схожие дни переживал Александр Яшин из-за повести «Вологодская свадьба». 10 июля 1963 года он писал Абрамову из родной деревни Блудново: «Здесь (мать и другие) считали, что меня уже посадили, и оплакивали меня, настолько нагло вели себя всякие газетчики и фотографы, приезжавшие сюда за организацией материала и „сбором сведений“. Родственников буквально допрашивали. У матери требовали даже сведения (почтовые квитанции) о том, часто ли и сколько я перевожу ей денег и перевожу ли вообще. И это какие-то говнюки, которые раньше не посмели бы зайти ко мне».

В больничной палате перед смертью Александр Яшин рассказал Федору Абрамову и литературоведу Александру Михайлову, что «один критик» хотел написать книгу о нем, переписывался с Яшиным, но после «Вологодской свадьбы», то есть после проработки Александра Степановича, потерял к нему интерес. Александр Алексеевич Михайлов воспринял эти слова Яшина как завещание и написал книгу о нем.

Как ни странно, «проработочную» кампанию против «дегтемаза» (в ходу было такое словечко) начала газета «Гатчинская правда». Почему-то кто-то решил пустить «пробный шар» из-под Ленинграда. В номере за 31 марта — статья Семена Бабаевского «Партийность — душа художественного творчества». Фамилий тех, на кого демагогически ополчился автор лакировочных произведений, нет, но намеки понятны. «Всегда легче очернять и отрицать, нежели созидать и утверждать новое». (О том же через много лет, в рыночное время, написал он и в своих мемуарах. Стойких взглядов был человек.) Абрамова опять вносили в проскрипционные списки.

6 апреля заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС по сельскому хозяйству РСФСР (пусть читатель не удивляется — была такая должность как один из результатов хрущевских реформ), бывший слесарь и лесоруб, работавший в Архангельской области, Владимир Ильич Степаков докладывает в ЦК КПСС о «клеветническом, пасквильном характере» абрамовского очерка. Записка его, будущего редактора «Известий» (сменил Аджубея) и доктора исторических наук, убедительна и обстоятельна, на взгляд «больших мужиков». На нее и опирались затем секретари ЦК на своем заседании, проведенном 9 апреля (вряд ли они, вооруженные запиской, читали повесть Абрамова), где решительно заявили об ошибке журнала «Нева».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Вот вам и хрущевская «оттепель»!..

О чем еще сказано Степаковым? «Все дело, оказывается, в том, чтобы потрафить частнособственническим инстинктам людей, их стяжательским наклонностям».

В дореволюционной деревне работа на помещика или кулака исполу, то есть за половину урожая, считалась крайней степенью эксплуатации. А тут тридцать процентов!..

Говоря о «стяжательских наклонностях», т. Степаков имел в виду Петуню-бульдозера, старика с больными ногами, который благодаря своей «луковой плантации» за полтора года дом перекрыл заново, новую баню построил, погреб и изгородь со столбовыми воротами сладил. И лук у него — «не чета колхозному: перо синее, сочное, разметалось по грядкам точно жирная осока, а луковицы до того крепкие да ядреные — будто репа».

То, что сделал Петуня Девятый, приговор таким колхозам, как «Новый путь».

Плевали на частную собственность наши лидеры, — ну и, как давно хорошо известно, доплевались.

(В послесловии к пятому тому, 1993 год, абрамовского шеститомника вдова и литературовед Л. В. Крутикова-Абрамова написала, что писатель был «убежденным сторонником частной собственности как гаранта свободы личности, он возмущался демагогией партократов, которые сами, по существу, были явными собственниками.Государственные дачи, дворцы, которые в пожизненном владении. Что это — разве не частная собственность? Частная, только ни к чему не обязывающая“».)

«Написанный с позиций фрондерства, политически безответственного критиканства, очерк Ф. Абрамова встретил похвальные отзывы реакционной прессы капиталистических стран, а журнал „Уорлд“ (Англия) даже перепечатывает его на своих страницах.

Неправильную позицию заняла в отношении очерка „Литературная газета“, — это тоже из документа, подписанного Степаковым. Он же отметил, что „идейно-порочный очерк Ф. Абрамова не встретил осуждения со стороны Ленинградского промышленного и сельского обкомов партии, отделения Союза писателей“, и полагал бы „необходимым поручить Ленинградскому промышленному обкому КПСС обсудить вопрос об ошибке, допущенной журналом «Нева», и *принять необходимые меры, исключающие появление в печати идейно неполноценных произведений* (курсив мой. — С. Д.); редакции газеты «Правда» выступить с критикой очерка Ф. Абрамова“.

Секретариат ЦК определил линию поведения партийных органов, руководителей писательских организаций, газет и журналов. В связи с этой линией «Советская Россия» — орган Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совмина РСФСР — 13 апреля опубликовала письмо агронома колхоза имени XVIII партсъезда Гатчинского района Ленинградской области В. Колосова «Действительно, вокруг да около»:

«Сейчас на дворе весна, весна великого обновления. В каждом селе — много солнца, много луж, встречаются, конечно, и мусорные кучи. И если мы будем ходить вокруг да около каждой из них, то и работать не станет времени, да и завтрашний день из-за них не увидишь. Мусорные кучи надо убирать, а не любоваться ими. Пусть этим занимаются залетные заморские хлюсты. И не к лицу советскому писателю уподобляться им».

Колосов (или тот, кто писал за него) сравнил Абрамова с забугорным туристом, который «в брюках дудочкой и беретике набекрень бродит по городу» и выискивает что-нибудь не то. Такой же турист для автора — и Александр Яшин.

Письмо Колосова стало как бы гласом народа, подтверждавшим правоту руководителей компартии. Об этой правоте заявил в Ленинграде на совещании идеологических работников парторганизаций Северо-Запада РСФСР главный редактор главной газеты страны «Правда» П. А. Сатюков. В «Новом мире» пришлось снять уже набранную статью И. Виноградова «Тридцать процентов». Федор Абрамов получит от автора положительной статьи гранки с цензурной правкой, прочитает о том, что очерк (у Виноградова повесть названа очерком) «останется как подлинное свидетельство о нашем времени, и именно такие вот, утверждающие правду жизни очерки, рассказы, романы, фильмы будут для людей будущих поколений тем главным источником, по которому они смогут представить нас, сегодняшних людей. С нашими сегодняшними заботами. А что до нашего времени, то — Бог ты мой! — как нужна нам сейчас именно такая вот „преходящая“ литература! Ведь без нее мы, сегодняшние люди, пожалуй, и „вечные“-то проблемы понимать по-настоящему не научимся».

11 апреля «Вечерний Ленинград» в статье без подписи «Творить для народа. Служить народу» позицию Абрамова назвал «озлобленной, клеветнической»; место такой публицистике — в «мусорной яме».

Долго пригвозждали писателя к «позорному столбу». Методично, гвоздь за гвоздем. Один ржавый, другой новехонький. И короткие, и длинные. Но около месяца Федор Александрович и Людмила Владимировна не читали о том, что писали о «Вокруг да около», — впервые находились за границей, на лечении в Карловых Варах. На пути в Чехословакию Абрамов зашел в «Новый мир». Познакомился с критиками В. Я. Лакшиным, И. И. Виноградовым. Повстречался с главным редактором А. Т. Твардовским. Александр Трифонович сказал, что его журнал не смог бы напечатать «Вокруг да около»: в Москве цензура бдила сильнее. Но вскоре Ленинград не будет отставать.

Федора Абрамова поносят на собраниях, бюро и пленумах Ленинградских сельского и промышленного обкомов, в газетах и журналах. Критических публикаций —

больше двадцати. О «Вокруг да около» читали в «Ленинградской правде», ленинградской «Смене», «Литературной России», «Известиях», той же «Литературной газете», журналах «Вопросы литературы», «Крестьянка», «Знамя». «Вечерний Ленинград» еще и полностью перепечатал «открытое письмо» веркольцев. В. Новиков, автор «Знамени», в сентябрьском номере обвинял Абрамова в том, что писатель не «изобразил активное участие масс в борьбе с недостатками», «не обличал гневно последствия куль-та личности» и т. д.

Целый год лупцуют писателя. Пишут разное: дескать, талантливый же человек, автор «Братьев и сестер», а унизил себя этим очерком; клевета на коллективные формы ведения хозяйства; не хватает глубокого партийного подхода; не надо нажимать на «пережитки проклятого прошлого» и прочее. Еще и не обо всех «критических стрелах» Абрамов знает. В декабре на семинаре молодых литераторов Архангельской области руководитель областной писательской организации внушал поэтам и прозаикам (подобное внушали творческой молодежи, видимо, по всей стране):

«Идет борьба двух идеологий. Ни на минуту нельзя забывать об этом. Буржуазная идеология все время ищет новые формы и методы борьбы с идеологией коммунистической. И если мы будем допускать политическую незрелость, если мы будем недостаточно подкованы идейно, то срывы неизбежны. Так неизбежны, как это случилось в свое время с талантливым поэтом Евтушенко, с прозаиком Абрамовым, скульптором Неизвестным, с некоторыми работниками кино и театра. Нельзя было не заметить, как идеология старого мира начала протягивать к нам отвратительные щупальца, оказывая свое влияние на некоторую небольшую часть молодежи, да и не только молодежи. Но мы под руководством Коммунистической партии вовремя отрубили эти щупальца и объявили непримиримую борьбу влиянию идей Запада».

И напутствие:

«Больше романтики, товарищи! Ведь в жизни она — на каждом шагу! Больше молодости в стихе и прозе, долой творческую дряхлость и рационалистское брюзжание».

Хорошо, что не слышал этих «идеологически выверенных» слов Абрамов, — его особенно задевала критика земляков. Как та, что содержится в так называемом открытом письме односельчан «К чему зовешь нас, земляк?», опубликованном в «Правде Севера» 11 июня 1963 года и перепечатанном затем «Вечерним Ленинградом» и «Известиями».

К слову сказать, наверняка было известно Абрамову разное мнение другого архангельского коллеги, опубликованное в «Правде Севера», об одной из работ северного художника Ивана Котова: «И. Котов встретил где-то бедного и неряшливо одетого, взлохмаченного крестьянина и, написав его портрет, назвал свое произведение „Колхозник“. К чему чуть ли не репинского бурлака называть колхозником?»

Федор Абрамов таких «бурлаков», в отличие от писателя-горожанина, видел. И знал, почему они неважно одеты. И больно за людей деревни было слышать ему пренебрежительное «колхозник»!.. На праздновании своего шестидесятилетия он сказал: «...мы, крестьянские дети (это всем известно, кто вышел из деревни), отравлены комплексом неполноценности на всю жизнь».

В июне 1963 года мне было десять лет, я жил в Архангельске. Может быть, как раз в день выхода в «Правде Севера» письма собрался погулять. Запомнилось, что мама посмотрела на меня и сказала: «Оделся как колхозник». Родившаяся в вологодской деревне и познавшая в детстве, в тридцатые годы, голод, матушка моя не относилась пренебрежительно к колхозникам: просто дело в том, что слово прочно вошло в обиход, им походя бросались. Да и ныне еще бросаются.

В конце 1963 года, прочитав статью Г. Ломидзе «Сила реализма» (четвертый сборник «Литература и современность», издательство «Художественная литература»), Федор Александрович опять горячился: «Надо же такое написать!» — увиденное Абра-

мовым «испуганными глазами и раздутое до непомерных размеров закрыло перед ним лучи солнца».

У Федора Александровича был свой взгляд на вещи, что обусловлено, в частности, его натурой человека горячего, страстного, нередко резкого и радикального в суждениях и оценках. Отчасти в повести краски сгущены, похоже — намеренно, чтобы задело, зацепило написанное читателей, принимающих решения. И ведь зацепило же!..

В Государственном архиве Архангельской области я прочитал прелюбопытный документ — докладную записку от 6 ноября 1963 года («с анализом экономики отстающих колхозов» Пинежья) секретаря Пинежского райкома КПСС Амосова и председателя райисполкома Шехина в Архангельский обком КПСС и облисполком «в соответствии с запиской Н. С. Хрущева Президиуму ЦК КПСС (в ответ на повесть Ф. А. Абрамова „Вокруг да около“)».

Как ни относиться к советской власти, КПСС и лидеру страны эпохи «оттепели» Н. С. Хрущеву, факт поразительный: на публикацию повести неизвестного партийной верхушке писателя ответил главный человек в государстве!.. И ведь, выражаясь известным языком, меры были приняты.

Сам Хрущев вряд ли читал повесть — до того ли ему было? Да и не охотник он был до чтения. Но, предположим, полистал «Неву». И наткнулся на размышления председателя колхоза: «Ну-ко, вспомни, сколько глупостей — да что глупостей! — преступлений творилось на твоём веку. Может, ты забыл перегибы тридцатого? Легко сказать, перегибы... А продразверстка после войны, когда из года в год начисто, до зернышка выгребали колхозные амбары? А то, что чуть не под самым Полярным кругом из года в год сеют кукурузу, а потом перепахивают под рожь? И ты все это понимал, да, да, понимал и делал, заставлял других».

Крякнул Хрущев: да, было все это, но я никого не заставлял кукурузу под полярным кругом сеять — на местах перестарались!..

Власть обиделась. Ее можно было понять: работай-работай, а какой-то Абрамов говорит, что в деревне дела плохи!.. Мы что, ничего в сельской жизни не понимаем и ничего не делаем?! (С любой властью подобное нередко происходит. Власти опаздывают, а их критики, бывает, торопятся, отсюда и конфликты.)

Но ведь отгорячилась власть и сказала начальникам на местах, что надо думать, как помочь отстающим колхозам. Получив такое задание, В. П. Амосов и М. З. Шехин признали бедственное положение своих колхозов и высказали соображение о передаче трех из них в подсобные хозяйства леспромхозов, где дела шли несравненно лучше колхозных. «...Рядом с колхозами „Стахановец“, имени Калинина и „Искра“ расположены лесозаготовительные предприятия — Сосновский, Лавельский и Карпогорский леспромхозы, где условия труда, жизни, быта и заработная плата в несколько раз выше, чем в колхозах, и не случайно многие колхозники ушли из колхозов, работают в этих предприятиях, имеют собственные дома на территориях колхозов, проживают в них, но вернуться в колхозы не желают».

Пинежские руководители также подчеркнули: «...основная часть, причем самая полноценная рабочая сила из числа бывших колхозников, сейчас работает в лесозаготовительных предприятиях, а оставшаяся часть колхозников физически не в состоянии справляться с объемом работ и поднять экономические показатели колхозов, т. к. на одного трудоспособного колхозника приходится пахотных земель от 3 и выше гектар, свыше 6 га сенокосов».

К пинежанам прислушались: некоторые колхозы были переданы леспромхозам.

Получается, что веркольский колхоз был еще ничего, если предложения районных руководителей не коснулись его. Но в своем «открытом письме» Абрамову односельчане «написали» (их собрали в клубе и сказали, что очень надо поставить подписи) так:

«Колхоз наш, конечно, отстающий, один из экономически слабых на Пинежье. Но даже и в нашем хозяйстве есть кое-какие сдвиги, которые говорят сами за себя».

Но они же весьма скромные:

«Даже в нашем, экономически слабом хозяйстве шесть престарелых колхозников получают пенсии. Несколько лет у нас уже установлена оплата по временной нетрудоспособности, по беременности и родам. Каждый добросовестный колхозник имеет право получить трудовой отпуск на 12 рабочих дней или компенсацию за него».

«К великому сожалению, Вы не видите и роли коммунистов в деревне. ...А ведь у нас коммунисты трудятся примерно. Возьмем Лидию Семеновну Рогалеву. Это — наш маяк. По 2448 килограммов молока надоила она в прошлом году от каждой коровы своей группы, добила роста продуктивности против предыдущего года на 227 килограммов. Лидия Семеновна превысила среднеколхозный показатель более чем на тысячу килограммов».

Таких ли сдвигов хотелось видеть — не только в Верколе, разумеется, — Абрамову?! 2448 килограммов молока, при всем уважении к доярке, это разве хороший показатель? А среднеколхозный, около 1400, — слезы же... Впрочем, в деревне, хлебавшей лиха и во время индустриализации, и во время Великой Отечественной войны, перемены все же были. О том и написал собственный корреспондент «Правды Севера» по Пинежскому и Лешуконскому районам Валентин Земцовский, а односельчане, которым привезли «из района» текст письма, «подмахнули» его.

«Только за три последних года 49 семей у нас отпраздновали новоселье, причем колхозники вошли в 31 новый и перестроенный дом. ...Семидесятилетней Пелагее Васильевне Абрамовой, не имеющей никого из кормильцев, колхоз три года назад построил избу, назначил пенсию и выдает 15 литров молока в месяц бесплатно. Разве могла бы Пелагея Васильевна рассчитывать на это, не будь колхоза!»

49 семей справили новоселье... А во второй главе романа «Дом» (впервые опубликован в 1978 году) сказано, что «Пекашино изрядно обновилось за последние годы. Домов новых наворотили за полсотню». Здесь действие происходит в самом начале семидесятых годов. О времени семидесятых люди, особенно деревенские, будут говорить, что они «пожили при коммунизме». Значит, так ли плохо было лет десять назад?... Повторю банальное, но многими выстраданное: не наделай советская власть глупостей (с подавлением «частнособственнических инстинктов», излишне жесткой борьбой с диссидентами), она, возможно, устояла бы, и не знать бы нам периода дичайшего накопления капитала.

К слову, в Верколе был случай, когда председатель хозяйства решил на выдачу колхозникам тридцати процентов заготовленных кормов.

Подчеркну: 49 семей отпраздновали в начале шестидесятых новоселье за три года; в первые горбачевские годы прокатился по селу строительный бум, тогда тоже много людей погуляло на новосельях, а потом? Да ничего похожего, увы.

Не первым ли в советской литературе написал Абрамов о том, что, лишив колхозника паспорта, государство превратило его в крепостного? Второе крепостное право существовало на Руси... И горько было писателю от того, что он заступался за крестьянина, а его же крестьянин и ругал печатно.

Но от верных читателей получил Федор Абрамов больше 50 писем в поддержку смелой повести. Ему говорили, что все селяне, многие писатели, многие чиновники знали, видели, что каждую осень уходили по снег луга, не убранные до конца, а колхозникам для своих коровок и по закрайкам, и на неудобьях косить не разрешалось, что не положено было в колхозах самим решать, когда, в какую погоду какой корм заготавливать, но об этом, и не только об этом решил сказать только он, Абрамов, народный заступник...

На мой взгляд, по-своему убедительно (но и с перехлестом) написал Земцовский внушительное по размеру письмо — на четыре колонки, от верха и почти до самого низа полосы прежнего, больше нынешнего формата почти всех газет.

Больше всего задевали писателя в письме две вещи: то, что не приняли его желания помочь, и несколько завуалированное обвинение в незнании деревни. И ладно бы только в «Правде Севера» письмо напечатали, так и «Известия» перепечатали его в номере за 2 июля, выпустив, к примеру, слова о том, что «шесть престарелых колхозников получают пенсии». Пенсии были колхозными, дать их смог колхоз только шести человекам.

Еще цитата из письма «К чему зовешь...»:

«И особое возражение у нас возникает, когда читаешь, как Вы обрисовываете женщин. Все они в очерке какие-то тупые, забытые, униженные».

Это совсем зря: и молоденькие девушки-доярки хорошо написаны, и «пережиток» Тихоновна (таким старухам, как она, памятник бы поставить — слова главного героя), и распутница Клавдия Нехорошкова, которая «любую мужскую работу делает не хуже мужика, а при крайней нужде даже на трактор сядет» — она «высокая, величественная». А что до ее, незаменимого бригадира, «закидонов» по части мужиков и спиртного, так ведь она из тех женщин, счастье которых украдено войной. К тому же литература не должна быть «бесполой», как втолковывал Абрамов одному из своих адресатов. При других жизненных обстоятельствах «ходить бы ей в героинях», как написали Абрамову супруги Семеновы из Киева.

Читатель И. Г. Чуркин из Пятигорска (город Бабаевского) написал в редакцию «Невы»: «Я знаю, что произведение Абрамова „Вокруг да около“ подвергнется критике... но от этого оно не потеряет своей ценности».

Игорь Золотусский скажет, что «никто, пожалуй, со времен Некрасова не писал так о русской крестьянке, как Абрамов. Никто так не понимал женского сердца, надорванного на работе, на долготерпении. Никто так не желал, чтобы страдания этого сердца были вознаграждены».

Но повторяю, на мой взгляд, по-своему были правы и Абрамов, и журналист с подписантами.

21 человек подписали письмо. Сколько из них брали в руки журнал? Бог весть. Но письмо-то, подготовленное Земцовским, прочитали (или им прочитали) — и почему бы было не согласиться с содержанием? Ведь не страх же заставил их ставить подпись: 1963 год — не арестуют, на Колыму не отправят за отказ! Хотя если не страх, так боязнь все же сидела в людях. Поэтому и «забыли» о том, что в Верколе был случай, когда председатель хозяйства решил на выдачу колхозникам тридцати процентов заготовленных кормов.

14 июня 1963 года, не имея возможности отступить от практики директивного руководства литературным процессом, руководители Ленинградского отделения Союза писателей провели в Белом зале Дома писателей имени Маяковского обсуждение повести на собрании литераторов. Федор Абрамов еще не читал письмо земляков, опубликованное тремя днями раньше. Будь иначе, с еще более тяжелым сердцем шел бы на собрание, от которого ничего хорошего ждать не приходилось.

В изложении Л. В. Крутиковой-Абрамовой выступления мужа на том собрании, Федор Александрович отстаивал свою правоту, поскольку писал повесть «не в порядке кабинетного сочинительства. И не с налету. И уж, конечно, не из желания оклеветать и очернить нашу деревню, как об этом писали, мягко выражаясь, торопливые газетчики». Но, дескать, пришлось Абрамову признать, что надо было сделать акцент на положительных тенденциях в жизни колхозной деревни.

Интересно, что литературный критик А. И. Рубашкин несколько по-другому вспомнил то собрание:

«...президиум не проявлял агрессивности. Велено указать — пожалуйста. Но не более того. Ведущий — или председательствующий — даже бросил спасательный круг:

— Но ведь вы же, Федор Александрович, не хотели, чтобы такое впечатление создалось о нашем селе, наших колхозниках и колхозницах?

Вот сейчас Федор Абрамов поддержит этот тон — и все будут довольны. Но что это?

Не тот характер у Абрамова, непокорный, ершистый:

— Хотел — не хотел. Да я еще не всю правду сказал. Не поднялась деревня после войны».

3 июля на пленуме Ленинградского промышленного обкома КПСС (в повестке дня был вопрос «Итоги июньского Пленума ЦК КПСС и задачи Ленинградской областной промышленной партийной организации») выступила бригадир колхоза «Память Ильича» Гатчинского района, которая сослалась на организованную в клубе этого колхоза читательскую конференцию по «Вокруг да около»: там Абрамова «осудили», возмутились тем, что он «не знает народа». И почему опять Гатчина? Странно.

«Печальную славу» повести Абрамова отметил 5 июля на пленуме Ленинградского сельского обкома КПСС в своем докладе первый секретарь сельского обкома Г. И. Козлов. Писатель Павел Иванович Петунин сказал, что ленинградские писатели «сурово осудили Федора Абрамова, его творческие просчеты». Может быть, фронтовик Петунин словом «сурово» прикрывал Абрамова от лишних нападок?..

Любопытно, что 7 июля в лондонской «The Sunday Times» напечатана рецензия на лондонское издание перевода «Хитрецов» (так называли в Англии «Вокруг да около») с таким, в частности, пассажем: «Когда американские писатели добираются до фермы, они отыскивают там похоть и расовую ненависть, инцест и лунный свет; г-н Абрамов менее сенсационен: он обнаруживает неэффективность».

Как рассказал мне друг Федора Абрамова Дмитрий Клопов (самодеятельный художник, «пинезский Пиромани», как называл его писатель), сначала письмо привезли в лесопункт. «Когда в лесопункте собрание проводили по „Вокруг да около“, мы ведь все из клуба ушли, никто письмо против Абрамова не подписал».

Прямо по марксизму: рабочий класс посмелее крестьянства.

Журналист «Правды Севера» Нина Орлова в октябре 1975 года приехала в Верколу, чтобы собрать отклики жителей деревни о трилогии Абрамова «Братья и сестры» в связи с выдвижением ее автора на Государственную премию СССР. Узнала, что в 1963 году не все из веркольцев, кому предлагали подписать письмо, подмахнули его. «Но и они, в разговоре чувствовалось это, несли в себе общую вину».

После смерти Федора Александровича постепенно сочинялся миф о том, как все односельчане со временем полюбили своего ставшего знаменитым земляка. Миф этот развенчивал тот же Д. М. Клопов. От Дмитрия Михайловича я услышал: «Нас обоих не любили. „Вон идут писатель с художником“, и ворота на защелку: вдруг что-нибудь напишут. Страшно было, как правда-то не нравилась...»

Впрочем, тут дело еще и во взаимоотношениях автора и его прототипов. Земляки обижались на писателя, увидев в героях его произведений что-то свое: из биографии ли, из характера ли. Однако это уже, как говорится, другая история.

И в том еще дело, что по разным причинам боялись люди сказать правду: не от райкома КПСС, так от бригадира достанется...

После смерти Абрамова Игорь Золотусский общался в Верколе с одной из женщин, поставившей свою подпись под письмом. Она плакала, вспоминая тот день, когда услышала, что требуется сделать это.

В 1965 году Федор Абрамов в качестве делегата участвовал в работе II съезда писателей РСФСР. Был готов сказать о том, что он «против эпистолярных сочинений от имени земляков, которые при первой же встрече с тобой решительно отмежевываются от подобного рода литературы».

Слово Абрамову тогда не дали — его время выступать на писательских сборах еще не пришло.

...А бедного Земцовского — не называя фамилии — долго вспоминали худым несправедливым словом. Особенно уместным показалось это в «эпоху гласности», когда искали «врагов перестройки». Похоже, что после 1963 года никто и не читал «пасквиль» — письмо земляков.

Понятно, что отношения Абрамова и Земцовского были, мягко говоря, непростыми. Но я слышал, что Валентин Павлович захаживал в Ленинграде к супругам. Вроде даже и ночевать у них случалось. Однако настороженность Федора Александровича к этому земляку не проходила. На вопрос Земцовского «Как настроение?» Абрамов с подтекстом отвечал: «Советское. Советское».

За границей отдавали должное мужеству Ф. А. Абрамова, написавшего горчайшую правду. Повесть его возвеличивали, что, конечно же, имело политическую окраску.

Весной «Вокруг да около» напечатали сначала в Великобритании — это фототипическое воспроизведение журнальной публикации. А потом повесть и рецензии на нее вышли — в 1963–1964 годах — в Федеративной Республике Германии, Соединенных Штатах Америки, Австрии, Франции. Федора Абрамова сравнивали с Борисом Пастернаком и Александром Солженицыным, отдавали предпочтение «Вокруг да около», так как в «Докторе Живаго» и «Одном дне Ивана Денисовича» речь о прошлом, а у Абрамова — о настоящем времени.

Лондонский издатель А. Флегон «горячо поздравил» Федора Александровича с «колоссальным успехом» книги. В письме от 8 июля 1963 года сообщил, что в воскресной газете «Обсервер» назвали Абрамова «первым, после Тургенева, русским писателем, который сумел привести в советскую литературу русских живых крестьян». Флегон отправит Абрамову вырезки из газет (рецензии) и книги с «Вокруг да около». Он также писал:

«Со всех концов мира приходят письма с просьбой продать права на переводы на все языки мира. Что делать? Надеюсь, что Вам дадут разрешение приехать в Англию и решить все эти вопросы». Разрешение не дали.

Не получил Абрамов ни гонорар, ни зарубежные издания «Вокруг да около».

В предисловии к повести, изданной в ФРГ «Посевом», говорится, что пока существует эта «рабовладельческая» советская власть, она «обрекает сельское хозяйство на мертвый застой, а крестьян — на беспросветную нужду».

«...За границей по-прежнему шумиха», — 2 августа написал Ф. А. Абрамов «новомирцу» В. Я. Лакшину.

С одной стороны, самолюбие Абрамова тешили публикации за границей; с другой — он понимал их значение.

Те зарубежные публикации и подтолкнули высокое начальство к принятию мер — в частности, к открытому письму земляков. Повторю, оно опубликовано в «Правде Севера» 11 июня. А 18 июня в Москве открылся пленум ЦК КПСС, на котором секретарь ЦК Л. Ф. Ильичев в своем пространном докладе «Очередные задачи идеологической работы партии» (пять страниц в «Правде Севера») сказал:

«И в литературе, и в кино, и на подмостках театров одно время стали мелькать жалкие, духовно нищие люди, персонажи с ограниченным кругозором, примитив-

ными чувствами и переживаниями. Но нужно ли проходить мимо произведений, односторонне, тенденциозно изображающих нашу жизнь, мимо произведений, в которых сочно описывается маленькая «правдочка», но игнорируется большая правда? Может быть, следовало бы назвать некоторые произведения, напечатанные в толстых журналах — «Новом мире», «Неве», «Юности» и других, — встреченные советской общественностью с неодобрением. Но пусть сами авторы и редакторы скажут, что они думают по этому поводу».

Обычная для того времени ремарка: «Доклад товарища Ильичева был выслушан с большим вниманием и неоднократно прерывался аплодисментами».

Похоже, публикация «открытого письма» веркольцев была инспирирована Москвой; докладчик уже знал, что земляки спрашивали писателя, к чему он их зовет.

Выступил на том пленуме и первый секретарь Ленинградского промышленного обкома партии Г. И. Попов, назвавший повесть Абрамова «вывертом», а публикацию ее в журнале — «серьезным промахом редакции».

Первый подраздел в докладе Ильичева назван так: «Великое десятилетие в жизни Советской страны». Критик Ю. Г. Буртин в связи с этим — о хрущевском политическом курсе и культе личности Н. С. Хрущева — заметит: «Как и прежний, сталинский, этот новый культ базировался на всяческом преувеличении успехов, достигнутых страной под руководством нового лидера, и замалчивании всего, что не могло служить его славе. ...То, что под покровом этого безудержного славословия и пресмыкательства коллеги по „коллективному руководству“ точили нож на неудобного им владыку, не делало их более терпимыми к критическим голосам „снизу“; напротив, они демонстрировали особое рвение в заглушении таких голосов».

Шумиха за рубежом продолжалась и после 1963 года. Как было не издавать там Абрамова и писать рецензии, если у него сказано, к примеру, что сын старушки Авдотьи Моисеевны «пропал за слова». То есть в годы политических репрессий сказал неосторожно о советских порядках — и не стало человека.

Приехавший из райцентра в Богатку поднимать колхоз недавний районщик Мысовский увидел однажды утром, как одинокая Авдотья Моисеевна побиралась в деревне: «Открылось окно, высунулась рука с куском хлеба. Старушонка перекрестилась, положила милостыню в коробку и поковыляла дальше».

Мысовский настоял на том, чтобы правление колхоза назначило Моисеевне пенсию: десять килограммов зерна на месяц и четыре воза дров на зиму; первую пенсию за все существование «Новой жизни».

Прочитали за рубежом также о том, что лет тридцать назад не было в Богатке пestyря и в помине. «Тут был околос — штук десять домов, плотно, почти впритык стоявших друг к другу». Лет тридцать назад — значит, во время коллективизации и раскулачивания. Так вот социализм строили!.. Или же вот такой кусок: редкий мастер «устраивать публичные балаганы» Игнат Поздеев снова насккивает на лектора: «...что выгоднее сеять: березу или жито?» Лектору вопрос не ясен. Тогда Игнат «доподлинно выходит из себя. — Мать твою так... не ясен! Сходи в те же навины. Раньше мы с полей хлеб возили, а теперь дрова».

Еще два отрывка. Мысовский думает:

«Прямо какой-то заколдованный круг! Чтобы сделать полновесным трудовень, надо, чтобы работали люди, — какой же другой источник у колхоза? А чтобы работали люди, надо, чтобы был полновесный трудовень.

Где выход?

В райкоме говорят: плохо руководишь. Ослабил агитационно-воспитательную работу. А как агитировать нынешнего колхозника? Без рубля до него агитация не доходит».

Аж до самой горбачевской перестройки говорила «родная партия» о необходимости усилить агитационно-воспитательную работу. Договорилась!..

Разговор бригадира строителей Вороницына с председателем колхоза:

«...помнишь, я нынешней весной в город ездил? Помнишь? За запчастями?»

— Ну, помню.

— И ты еще мне колхозную справку выписал? На, мол, получи деньги по аккредитиву. Липовая это справка! Пришел я в сберкасса, сую эту самую справку в окошечко. А там кассирша, крашенная, вся с головы до ног завита. Фыркнула: „Это не документ личности“. Я туда-сюда, в облизполком. С этажа на этаж, из кабинета в кабинет — два дня доказывал, что я не жулик, а человек. ...Почему у меня нет паспорта? Не личность я, значит, да?»

Цензура в 1962 году в Ленинграде еще не зверствовала. И многое в повести Абрамова не вызвало у нее возражений, в том числе все приведенные здесь цитаты. А не понравилось, в частности, то, что козы названы были «сталинскими коровками», слово «сталинские» исчезло. Такое впечатление, что цензор убрал некоторые слова и несколько строк, как бы показав, что он поработал, не зря хлеб ест. То ли будет позже!.. В связи с этим — немного о нашем общении с автором «Летописи жизни и творчества Федора Абрамова» Г. Г. Мартыновым на тему цензуры.

В первой книге «Летописи...» Геннадия Георгиевича я прочитал: «В первой по времени отдельной публикации, посвященной А. Ф. Калининцеву, с умыслом или без такового, сказано: „На Пинежье Калининцев учительствовал около 30 лет, там и умер“, см.: Доморощенин С. Идеал учителя // Север (Мезень). 1984. 28 авг. № 115. С. 2».

Эти слова — «...с умыслом или без такового...» — меня, мягко говоря, озадачили. Я написал уважаемому человеку, что никакого умысла быть не могло, — просто в ту пору, работая в районной газете Архангельской области, я еще не знал о трагической судьбе учителя Федора Абрамова. Об этом и написал в Петербург. Г. Г. Мартынов ответил так:

«Сноска про Вас на С. 118 означает, что Вы-то сами изначально могли знать и написать, как именно окончилась жизнь Калининцева, но в 1984 году цензура еще вполне могла принудить Вас, или редакцию газеты (и таких случаев было более чем достаточно, в том числе и с Абрамовым!), изменить текст соответствующим образом».

Я удивился и ответил, что предварительной цензуры в районных газетах не было — цензоры «сидели» в Архангельске. Была нехилая брошюрка (она хранилась под ключом в редакторском сейфе) о том, что можно публиковать, что нельзя. К примеру, нельзя было писать, что рыболовецкий колхоз перевыполнил план по добыче рыбы. О том, что экипаж отдельного рыболовецкого судна потрудился ударно и поднял рыбы на борт сверх плана — пожалуйста. А что все два (а у кого и три) траулера колхоза наловили мойвы и путассу больше запланированного — ни-ни.

Или: нельзя было ни одного слова сказать о космодроме «Плесецк» — как будто супостаты о нем не знали!..

И райком КПСС, идеологический цензор, не вмешивался в подготовку номеров газеты. Другое дело, если редакция нарушила цензурные запреты или в райкоме что-то не понравилось в журналистских публикациях, — тогда не сладко редактору...

В свою очередь удивился Г. Г. Мартынов и написал:

«Как Вам хорошо жилось в Мезени! Я-то рассуждаю о цензуре с позиций собственного опыта, приобретенного в начальниках производственного отдела Ленинградского отделения издательства „Советский писатель“. Шагу нельзя было ступить, предварительно не согласовав! Но это в Ленинграде свирепствовали, в Москве было легче. Поэтому сам Абрамов в Ленинграде мало публиковался, в основном в Москве».

Цензура ужесточила требования к писательским произведениям: из «Невы» стали убирать их одно за другим. Среди них — стихи Александра Яшина (из апрельского номера): «Трудно живу, Молча живу, Молчу до ожесточения...» Леноблгорлит (цензура) из того же номера выкинула стихи Вадима Шефнера, рассказы Сергея Воронина.

Времена менялись, отчасти и под воздействием писателей-«деревенщиков», таких, как Федор Александрович Абрамов. Власти страны приняли решения о приусадебных участках, о повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства, о развитии сельского хозяйства в Архангельской области (та же передача отстающих колхозов леспромхозам).

Через полтора года после выхода повести — 15 июля 1964 года — появился Закон СССР «О пенсиях и пособиях членам колхозов». То есть устанавливалась государственная система социального обеспечения колхозников. Женщины — члены колхозов — получили право на пособие по беременности и родам. Позднее состоялась и паспортизация сельского населения СССР.

Моя бабушка Мария Федоровна Доморощенина, бывшая колхозница Каргопольского района Архангельской области, потерявшая во время Великой Отечественной войны трех сыновей, переехавшая в Архангельск после смерти мужа и продажи дома, получала сначала государственную пенсию в 12 рублей. Через некоторое время прибавили ей четыре рубля. Почтальон приносила ей эти 16 рублей (может быть, приблизительно 1600 рублей по-нынешнему), я получал от бабушки рубль. На другой день она ехала на трамвае — билеты туда и обратно стоили шесть копеек — в церковь, ставила свечечки за упокой души мужа Тимофея Гавриловича, поминала погибших на Великой Отечественной сыночков Мишеньку, Степушку, Егорушку, оплакивала свою деревеньку Давыдово, погибшую, как и абрамовская Мамониха. Для Давыдова не нашелся свой Геха-маз, о котором я еще скажу. («Мамониха» — последняя из законченных повестей Федора Абрамова. Опубликована в «Неве».)

Марию Федоровну Доморощенину советская власть не «охватила» почему-то грамотой — рубль она вручала мне за то, что я расписывался в получении пенсии. Впрочем, не только за это.

Несовременная бабушка не интересовалась политикой. Почти абсолютно. На мой вопрос, кто такой Ленин, ответила своим вопросом: «Это тот, который больше всех народу убил?»

Если считать народные жертвы, понесенные в результате Октябрьской революции, то по сути бабушка была права. Впрочем, перед Октябрьской была безумная Февральская, но это уже совсем другая тема.

Федор Абрамов — о том же, в 1970 году: «Только азиатская страна может позволить себе такую роскошь, как гражданская война».

В 1970 году, окончив в Архангельске среднюю школу, я поступил на факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Стипендия у первокурсников была — 30 рублей. Через год добавили пятерку. О студентах власть побольше заботилась, чем о колхозниках, вынесших на своих плечах все тяготы жизни в тылу в 1941—1945 годах и в послевоенное по-своему такое же тяжелое время.

Абрамов университетской жизнью интересовался, о студенческих стипендиях знал. И еще больше жалел и любил старух, тех «пережитков», тех прототипов Тихоновны из его «Вокруг да около», которым он, как и его герой Мысовский, памятник бы поставил.

...До публикации письма земляков, 3 июня, заседало партбюро, которое вынесло Абрамову выговор «за отказ признать правильность оценки обкомом КПСС очерка».

В 1963 году Федор Абрамов и его повесть стали явлением не только литературной, но — в первую очередь — общественной и политической жизни страны.

Об Абрамове можно прочесть, что он был бесстрашен в поисках истины. Если с этим мнением согласиться полностью, то таким писателем стал с «Вокруг да около». Если в статье 1954 года «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» он еще записывал ритуальные фразы, то в повести их уже не было.

В сентябре 1963 года упомянутый партработник Степаков познакомил со своей позицией читателей журнала «Коммунист». И земляки от Абрамова не отставали. 2 октября межрайонная газета «За коммунизм» опубликовала статью «Так говорит читатель» — о читательской конференции в Карпогорском Доме культуры, на которой повесть Федора Абрамова противопоставлялся сборник очерков журналиста «Правды Севера» Виктора Страхова «На лесной реке». Страхов, по мнению автора публикации В. Дементьевского, местного партийного работника, «сумел глубоко разобраться в сельской действительности, увидеть рост экономики, культуры, а главное — самих сельских тружеников».

«Энциклопедией нашего Пинежья» назвал работу Страхова один из читателей. «Энциклопедия» — в связи с тем, что две главы небольшой книжки называются «В местах царской ссылки и партизанской славы», «В век минувший и век нынешний». Современности посвящены главы «Это — наш лес» и «По полям и наволокам». В первой части сборника — о том, что увидел автор, пройдя по маршруту Михаила Пришвина.

«Писать правдиво, жизнеутверждающе» — название отчета Валентина Земцовского с той же конференции, опубликованного в «Правде Севера» 20 октября.

В Архангельской областной научной библиотеке я попросил книгу Страхова. Нашлось ее второе издание (1964 год), подготовленное автором с учетом пожеланий и замечаний, высказанных читателями на конференциях и в письмах.

«На лесной реке» — среднего уровня журналистская работа. Автор добросовестно описал то, что увидел на Пинеге. («И то, что вижу, и то, что слышу, пишу в блокнотик впечатлениям вдогонку; Когда состарюсь, издам книжонку» — Владимир Высоцкий.) Отчасти познавательно. Отчасти — смешно не только сегодня, но и с точки зрения ироничного читателя начала шестидесятых годов.

«Бассейн Пинегы с ее многочисленными притоками занимает территорию в сорок три тысячи квадратных километров. Это почти в полтора раза больше Бельгии и равно площади Дании. Вот он каков — Пинежский край!»

«Материальное положение ссыльных было тяжелым. Пособия интеллигентам давали по двенадцать рублей, а ссыльным из рабочих — по семь рублей в месяц». Кто-то из немногочисленных читателей этой книжки — сужу по контрольному листку сроков возврата — оставил на полях карандашную пометку: «Корова стоила 5 руб».

«В 1907 году несколько вооруженных ссыльных заставили Пинежскую городскую думу установить более низкие цены на товары. Дело дошло до такой „дерзости“, что председатель „исполнительного комитета ссыльных Мамулов силой заставил исправника выдать ссыльным деньги сверх положенного пособия. В магазине Володина была экспроприирована касса, в которой оказалось восемьсот рублей“».

«В. О. Ключевский чередование на Севере финских и русских названий объяснял тем, что на пространствах между старыми чудскими поселениями поселялись русские и давали новым деревням свои названия. ...Вызывает недоумение, почему многие лесные поселки на Пинеге, которые возникли в новых местах в советское время, получили нерусские названия: Кулосега, Шуйга, Ново-Лавела... Разве хуже звучит Сосновка — новый поселок выше Суры, или Красное — на Илеше!»

Страхов познакомился с председателем колхоза «Организатор»; в этом хозяйстве получали от коровы молока 2400 литров. Это считалось хорошим показателем. Но че-

рез пару лет дела в коллективном хозяйстве стали хуже. Журналист замечает: «Верится, что колхоз имени XXII съезда партии (колхоз к тому времени получил новое название. — С. Д.) вновь займет передовые позиции в решении задач, поставленных съездом. Так должно быть! Это дело чести председателя Кузнецова, дело чести всех колхозных коммунистов».

Земцовский не утаил от читателей, что, по мнению учительницы карпогорской средней школы Н. К. Орешниковой, «критика преувеличивает ошибки Федора Абрамова.

— Ведь почему бригадир-строитель Вороницын — главная опора председателя — запил? — задает она вопрос и отвечает: — Он встретился с несправедливостью. А почему мы охаиваем писателя за то, что он показал только отрицательных героев, темные стороны?

Однако все остальные выступавшие не согласились с Н. К. Орешниковой. Они присоединяются к критике последнего произведения Федора Абрамова, считают ее справедливой, очерк — идейно порочным. Они говорили, что видят основной его порок в передержке, искажении действительной картины жизни, смаковании недостатков».

К слову, Надежда Константиновна Орешникова станет директором кеврольской восьмилетней школы. На Пинежье она приехала по окончании филологического факультета Ленинградского государственного университета, выбрала этот край, потому что ей здесь понравилось, когда она студенткой ездила сюда в фольклорные экспедиции. Директорствовала в Кевроле долго. Здесь же вела литературу. Ученики очень ее любили.

Этот большой отчет Абрамов тоже читал. Но читал и другое. В частности, Александр Яшин написал ему, что перечитал «Вокруг да около» и считает повесть «высоталантливый произведением», написанным «для пользы дела». И еще очень важные строки из яшинского письма: «Необходимо, чтобы Вы полностью осознали это сами, и, может быть, тогда Вам будет спокойнее переносить неприятности».

Александр Яковлевич Яшин помог Федору Александровичу Абрамову переносить «неприятности». Но в какой мере спокойнее — кто ж знает?..

Первый номер журнала «Нева» за 1963 год вышел тиражом в 180 000 экземпляров. Затем он поднялся до 200 000.

Постепенно тучи над головой Абрамова рассеивались. В 1967 году на IV съезде писателей СССР, в работе которого автор «Вокруг да около» не участвовал, секретарь правления союза Георгий Марков в докладе отозвался об Абрамове и его повести в положительном смысле. Позднее, в статье «Пинежский материк...», приуроченной к 60-летию Абрамова (публикация состоялась в «Литературной России»), В. Д. Оскоцкий отметил художественное достоинство «Вокруг да около».

В связи с 70-летием со дня рождения Ф. А. Абрамова Владимир Солоухин высказал в журнале «Москва» мнение о том, что «большой русский писатель Федор Абрамов начался не с повести „Безотцовщина“ или романа „Братья и сестры“, а именно с этого очерка», который был подобен грому среди ясного неба. Такое же мощное впечатление произвел на Солоухина роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым».

В 2013 году на телеэкран вышел сериал «Две зимы и три лета», снятый Тэмо Эсадзе. Этот режиссер так оценил повесть «Вокруг да около» (публикация в газете «Архангельск» от 19 марта 2015 года): «А что он такого сказал в „Вокруг да около“? Ну показал, что все жлобы, а мы этого не знали?»

Мог ли этот теледеятель хорошо экранизировать Абрамова?

На взгляд научного редактора «Летописи жизни и творчества Федора Абрамова» А. Г. Тимофеева, советская история — «сплошная череда трагедий и катастроф», советские годы — «долгая, почти беспросветная и бесперспективная жизнь... с ее кол-

лективизацией, войнами, тюрьмами и лагерями, бесконечной чередой полубезумных идеологических кампаний, работой на износ, без надлежащей оплаты изматывающего труда». А дореволюционная жизнь была «изобильной». С этим даже спорить не хочется: уже написано очень много работ, авторы которых убедительно считают такие воззрения, высказанные во вступлении ко второй книге «Летописи...», «полубезумными». Сошлюсь только на мнение Игоря Золотусского, который написал, что автор «Вокруг да около» Федор Александрович Абрамов «как истый государственный (а им он оставался до самой смерти), от всего сердца хотел помочь государству, подсобить ему в трудном деле сближения с народом, в понимании нужд тех, для кого оно существует. Он вовсе не покушался на строй, на систему, не желал ни бунта, ни революции, а хотел добра».

Не прошла ли мимо внимания г-на Тимофеева эта цитата из «Литературной газеты» («Гропа Федора Абрамова». 1990. 28 февраля)? Отсылаю его к странице 409 второй книги «Летописи...».

Защитник (жизнь покажет, что Абрамов станет нестигаемым защитником) униженных и оскорбленных деревенских людей — вот что главное в этом писателе, а не то, что его печатали за рубежом и ставили рядом с Солженицыным, на чем акцентирует внимание читателей научный редактор.

Федор Абрамов за свою писательскую жизнь получил очень много читательских писем. В 1979 году Л. Ханбеков, который готовил рукопись книги об Абрамове, попросил писателя показать письма. Федор Александрович написал Леониду Васильевичу: «Должен огорчить, у меня правило: никаких публикаций читательских и иных писем при моей жизни! Единственное письмо, которое будет напечатано, — письмо А. Твардовского по поводу 1-го варианта „Двух зим“. Но оно печатается по воле Марии Илларионовны (жены Твардовского. — С. Д.), перечить которой я не в силах».

Благодаря Л. В. Крутиковой-Абрамовой и Г. Г. Мартынову читатели знакомы с самыми интересными письмами, в том числе с теми, что написаны по поводу «Вокруг да около». Опубликованы они во втором томе «Летописи жизни и творчества Федора Абрамова».

В девятом номере 1980 года — при главном редакторе Дмитрие Терентьевиче Хренкове — опубликована в «Неве» повесть «Мамониha». Как автор выражался, «это кусочек сегодняшней живой, а точнее полуживой России, Нечерноземья — так ведь ныне принято называть Россию».

Главные герои — Геха-маз, оставшийся на родной земле и выстроивший каменные хоромы, и Клавдий Иванович, неплохо устроившийся вдали от дома при благах цивилизации. В критике разгорелся спор о повести, в основном о личности Гехи-маза. Одна точка зрения: Геха-хват, Геха такой-сякой. Другая позиция: благодаря таким оборотистым Гехам живут еще деревни и жить могут.

Тетка Клавдия Ивановича говорит племяннику, что Геха так зажил, что раскулаченные земляки — «голяки против его».

А как Геха, он же Геннадий Матвеевич («тип эпохи», «открытие Абрамова», по словам Игоря Золотусского), наживал свое добро?

Клавдий Иванович знает, что как только встал Геха на ноги, так и начал «гвоздить сверстников направо и налево: неси пирога, неси яиц, ежели жить хочешь. А с годами он и вовсе обнаглел — даже со старух подать взыскивал. Закатится это середь бела дня в избу, сядет к столу: „Екимовна, у тебя морковка ничего растет?“ — „Ничего чур быть“. — „Ну дак нынешней ночью ребята вытопчут“. — „Да пошто вытопчут-то? Што я им худого сделала?“ — „А уж не знаю чего. Только разговор такой был. А ежели не

хочешь, чтобы вытоптали, неси крынку молока. Я покараую». И Екимовна — что делать — несла».

Этот Геха — предшественник тех, кто в «лихие девяностые» занимался «крышеванием» и рэкетом. Абрамов предвосхитил «героев нового времени».

Геха-маз говорит отпускнику, что такие, как он, Клавдий Иванович, довел Мамонику до ручки.

« — Я? Я Мамонику до ручки довел? Да я двадцать лет в Мамонихе не был!

— Во-во! Ты двадцать лет не был, да другой двадцать, да третий... Дак какая тут жизнь будет? Критиковать-то вы мастера... Ездит вашего брата — каждое лето. Ах-ох, то худо, это худо... Геха-маз Мамонику загубил... Да ежели хочешь знать, дак только на Гехе-мазе тут жизнь и держится».

Действительно, если не Геха, то кто старухам на зиму дров привезет? Замерзнут же!..

И тот же Геха, когда запропадали Клавдий Иванович, его жена и сын в доме, заливаемом дождями, вывез приезжих по худой дороге поближе к «большой дороге», поближе к теплomu сортиру и водопроводу. Некому больше было и вывозить.

Один из поразительных кусков в повести — про Ивана Егоровича, у которого дом умер, и он сам умер... Приехал человек с женой в родную деревню, хвастал старухам, как хорошо живет (свой дом, свой сад, дети выучились, большие деньги зарабатывают), в Мамонихе-то жизни не видел; через две недели отправились восвояси, «вышли за деревню, Василий-то Егорович и говорит жене: „Марья, — говорит, я ведь, — говорит, — вьюшку в трубе не закрыл“. — „Ну и бог с ней, с вьюшкой-то, — говорит Марья. — Дом погибает, а ты о вьюшке думаешь“. — „Нет, — говорит, — надо закрыть вьюшку“. Убежал — полчаса нету, час нету. Марья не знает, что и думать. Пошла домой: где у меня мужик-то? А мужик-то у ей в избе висит».

Так кому ж костерок жизни в деревнях было поддерживать? И таким, как Геха-маз.

До сих пор по русским деревням умирают брошенные старики и старухи. Для многих не нашелся свой Геха-маз.

В первом номере «Невы» за 1981 год опубликованы замечательные абрамовские рассказы «Бабилей», «Валенки», «Золотые руки», «Когда делаешь по совести», «Бревенчатые мавзолеи» и другие. В «Мавзолеях» герой-автор, глядя на алмазное мерцание звезд, вспоминает притчу о том, что «после смерти людей души их поселяются на звездах, каждая душа на особой звезде».

Но, боже, как холодно, как одиноко и тоскливо на этих звездах... И почему бы душам погибших на войне из этой деревни не поселиться в собственных домах, за которые они отдали жизнь?»

Дома эти, бревенчатые мавзолеи, — в погибшей деревне на Новгородчине и по всей России...

В четвертом номере того же года — очерк «От этих весей Русь пошла...», написанный в соавторстве с Антонином Чистяковым.

...В мае 1975 года ленинградский поэт с новгородскими корнями Антонин Федорович Чистяков подарил Абрамову свою книгу «Вхожу в июнь». Федор Александрович читал стихи внимательно, делал пометы. Пришел к выводу: «Все, что от жизни, — хорошо. Все, что от лукавого (конъюнктурного), — плохо».

Критика чистяковских стихов не помешала сближению двух писателей. Несомненно, большое значение имело то, что оба были фронтовиками: хотя Чистяков на пять лет моложе, он тоже защищал Ленинград, воевать ушел в 1943 году из девятого класса школы. И новгородские древние корни Абрамова (новгородцы Пинежье осваивали) способствовали общим интересам, общей работе: в разные годы коллеги трижды и ко-

лесили, и пешком ходили по Новгородской области — «насмотрелись» на мертвые деревни — и написали три публицистических очерка, «Пашня живая и мертвая», «От этих весей Русь пошла...», «На ниве духовной». Второй из них и увидел свет в «Неве». В нем авторы, в частности, коснулись трагедии у деревни Мясной Бор во время Великой Отечественной войны.

Как известно, Волховский фронт пытался деблокировать Ленинград. Поначалу успешно действовала его 2-я ударная армия в районе Мясного Бора. Однако весенняя распутица 1942 года нарушила снабжение наших частей. Армию окружили. Выручать ее направили генерала Власова, а он стал предателем. Тень предательства пала на бойцов и офицеров 2-й ударной.

«До сих пор находят в заплывших болотных траншеях скелеты, сжимающие то ржавый пулемет, то винтовку, — написали Абрамов и Чистяков. — Эти солдаты Родину не предали.

У кого же может после этого возникнуть святотатственная мысль о предательстве армии, 2-й ударной армии?! Истекая кровью, до последнего патрона и до последнего дыхания бились разобщенные отряды армии. Это ж не один, не сто, а тысячи сынов Отечества.

Да, 2-я ударная армия честно исполнила свой долг. Ценой своей гибели она приблизила победоносный исход битвы под Ленинградом...»

Обращение писателя к «чистой» публицистике в последние годы было логичным: ему хотелось, чтобы слово воздействовало на жизнь непосредственно, как можно быстрее. Увы, читателей в «верхах» немного. Молчать Федор Абрамов не мог, зная, к примеру, что в той же Новгородской области «догадались» на лето давать учителям задание накосить для совхоза по тонне сена. «Молоденькая учительница при упоминании о предстоящей косьбе с ужасом посмотрела на свои городские музыкальные пальчики, которые ни разу еще не прикасались к еловому косовищу, и, наверное, подумала: вот пойдет она по кустам (косить надо было по неудобьям. — С. Д.) кровавые мозоли набивать, а школьники и сосед-тракторист, что опохмеляется до обеда, будут посмеиваться...»

Писатель Борис Никольский (главный редактор «Невы» с 1984-го по 2006 год) был ведущим последнего для Абрамова литературного вечера в Доме писателей имени Маяковского, незадолго до преждевременной смерти Федора Александровича). Согласился Абрамов прийти на вечер неохотно, так как давала о себе знать недавняя операция. «...Поначалу он говорил словно бы с трудом, словно бы преодолевая эту свою неохоту и усталость. Но постепенно — как это бывало не раз и во время его других публичных выступлений — общение с залом, с аудиторией захватывало его, он увлекался, речь его обретала внутреннее напряжение, и это напряжение передавалось залу».

Никольского поразило и поражало всякий раз при воспоминании о вечере, что поток вопросов читателей к Абрамову был «нескончаемым». Но дело не в количестве вопросов, а в их характере. Спрашивали не только о банальном: как вы стали писателем, какие у вас творческие планы, что вы думаете о таких-то писателях. Каких только ни было вопросов: о проблемах развития Нечерноземья, о преподавании литературы в школе, о неперспективных деревнях, о состоянии литературной критики, о борьбе с пьянством и так далее. И «обращались к нему с такой открытостью, с такой настойчивостью и непосредственностью, словно и правда надеялись, верили, будто писатель сумеет не только дать нужный совет, но и откроет, отыщет рецепт решения всех острых, непростых, а то и больных проблем».

Значит, зная книги Абрамова, относились к нему как к человеку, от которого в стране, в Ленинграде, в его деревне зависит очень многое. И он опять вел разговор очень

серьезно, честно, горячо, словно с высокой трибуны, потому что для него не было выступлений рядовых.

Писатель Федор Абрамов не писал ничего необязательного. И на встречах с читателями не говорил ничего такого же. Спорно или чересчур категорично — это уже другое дело.

Никольский сравнил Абрамова с его героем «Сказания о великом коммунаре», Силой Ивановичем: великая одержимость работой — в характере того и другого. Микула Селянинович из Шавогорья в одиночку сорок лет осушал болото, чтобы ранние заморозки не срезали лето, чтобы вырастали и жито, и рожь. Он и в церковь не ходил, хотя местный батюшка страшил его: прокляну! А Силантий (Сила) Иванович отвечал, что он каждый день лопатой крестится, вот его молитва. Сорок лет! — а земляки не разрешили ему ходить на болото напрямик, «через полевые межи тропку протоптать», чтобы дорога в два раза короче была, — и мирской праведник по-прежнему на одну ходьбу два часа тратил, а мог бы в это время болото рыть. Его считали чокнутым. Им, Болотным, пугали малых детей, они в него камни и палки бросали, — а он задарма рыл и рыл канавы, спускал воду в озеро. В Гражданскую войну бои стихали между красными и белыми, когда с лопатой и батогом (уже старый был, ветром его шатало) Сила Иванович шел на свое болото. До конца дня своего последнего будет он креститься лопатой. Не женится — некогда ему было. На болоте и умрет, отогнав от деревни Север.

«Долго мы с Санниковым (председатель сельсовета в рассказе. — С. Д.) бродили по кладбищу, побывали у каждого столбика, у каждой пирамидки и не нашли, не нашли могилы Силы Ивановича. Не уцелела.

— Следопытов красных у нас нету, — начал было объяснять мне Санников, когда мы уже выходили с кладбища, — а то бы они живо отыскивали... В газетах-то вон читаете: там того отыскивали, там другого...

И замолк, отвел глаза в сторону».

Летом 1986 года ученики 25-й архангельской школы во главе с учителем Юлией Борисовной Сапожниковой нашли на кладбище деревни Шардонемь (прототип Шавогорья) место захоронения Петра Михайловича Ряхина, десятки лет осушавшего болото, и поставили ему памятник.

Надпись на памятнике:

Ряхин
Петр Михайлович
(1832—1922)
Герою рассказа
Федора Абрамова
«Сказание
о великом коммунаре»
«...Вся деревня —
твой вековечный должник»

Федор Абрамов видел героизм «простых», обычных вроде бы людей, восхищался ими. Они помогали ему жить.

В пятом номере журнала «Дружба народов» за 2012 год напечатана повесть Романа Сенчина «Полоса» — о человеке, который двенадцать лет содержал в порядке ВПП списанного аэропорта (вычеркнутого из реестра гражданских аэропортов Российской Федерации) в таежном поселке Временный Республики Коми. Он (реальный человек —

Сергей Сотников) продолжал считать себя начальником всего авиахозяйства, а не просто вертолетной площадки. Над Алексеем Сергеевичем Шулиным смеялись, называли чокнутым: он за свою работу гроши получал. Хотели разобрать полтора километра отличной бетонки — Шулин не дал. Гонял с нее тех, кто ставил на ней автомашины, приехав за грибами-ягодами. И ведь пригодилась полоса, лайнер сел на нее, — если б не она, погибли бы 72 пассажира и восемь членов экипажа ТУ-154, которому надо было куда-то приземлиться, когда отказала электроника, отключилась связь.

Когда удалось предотвратить трагедию и спасти десятки жизней, о Шулине стали говорить, что он «как знал», что делал. «Через знание нерациональное, интуитивное, твердую уверенность в необходимости стать на пути распада, катастрофы произошло настоящее чудо.

Шулин, как крестьянин Сила Абрамова, встал на пути смерти и победил ее своими малыми делами, но с немалым смыслом», — цитата из статьи критика Андрея Рудалева, опубликованной в журнале «Двина» (2014, № 4) «Гвоздь и заселение Луны, или Требуется Личность».

Члены экипажа получили звезды Героя России и ордена Мужества, а Шулина в Кремль не вызвали: вроде как не герой, подумаешь — ивняк в швах полосы рубил, который в крепкие деревца превращался... Но интернет-сообщество назвало Шулина народным героем. Затем пригласили Алексея Сергеевича на ежегодный телеразговор с Владимиром Владимировичем. И сказал Шулин о бедах малой авиации, и ответил тогдашний премьер-министр, что проблема известна, что она, разумеется, будет решаться.

«Изменения будут, — подумал Сила Иванович нового времени. — В одну из двух сторон».

Абрамов и Сенчин показали тип русского человека: тихих героев-одиночек, которых не поддерживают. Санников говорит: «Ну а русский мир сам знаешь какой. Бульдозером не своротишь».

Некоторые люди пробуют своротить. Есть те, у кого получается.

В известном смысле Федор Абрамов был идеалистом. Но и время, в котором он жил, было совсем другое — все же к писателям порой прислушивались, поэтому им и хотелось повлиять на действительность пьесой ли, повестью ли, очерком...